

УДК 81'23 + 81'42 + 81-13
DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-2-57-70

***Homo peregrinator*: образ автора и образ России в «Русском дневнике» Льюиса Кэрролла (1867)**

М. А. Кузьмина

*Институт филологии СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Данная статья посвящена психолингвистическому исследованию доминант и их «следов» в сознании путешественной языковой личности, *Homo peregrinator*, – Льюиса Кэрролла как автора «Русского дневника» (1867), который он вел во время его первого и единственного путешествия в Россию. Доминанты, являющиеся ценностными установками мотивационного уровня языковой личности, оставляют «следы» в тезаурусе, которые исследуются путем выделения трех аспектов тезаурусного уровня: расподобление, анизотропность и эмоция как выражение чувствования языковой личности на лингвокогнитивном уровне. Миссия, с которой Л. Кэрролл посетил Россию, определила доброжелательность к окружающей его незнакомой действительности. Эта ценностная установка автора, соотносимая с мотивационным уровнем языковой личности, контрастирует с установками дневниковых записей других европейских и английских авторов.

Ключевые слова

доминанта, Льюис Кэрролл, психолингвистика, Русский дневник, ценности, языковая личность, *Homo peregrinator*

Для цитирования

Кузьмина М. А. *Homo peregrinator*: образ автора и образ России в «Русском дневнике» Льюиса Кэрролла (1867) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 2: Филология. С. 57–70. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-2-57-70

***Homo Peregrinator*: The Author's Image and the Image of Russia in “The Russian Journal” by Lewis Carroll (1867)**

M. A. Kuzmina

*Institute of Philology SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

This article is devoted to the psycholinguistic study of the dominants and their “traces” in the consciousness of *Homo peregrinator*, a travelling person, – Lewis Carroll, the author of “The Russian Journal” (1867), which he kept during his trip to Russia. The dominants (A. A. Ukhtomsky), which are values of the motivational level of linguistic personality (Yu. N. Karaulov), leave “traces” in the thesaurus. The “traces” are investigated through three aspects of the thesaurus level: dissimilation, anisotropy (Yu. N. Karaulov) and emotion as an expression of the sensation of linguistic personality at the linguistic-cognitive, or thesaurus, level. The Lewis Carroll's mission in Russia, his goodwill and respect were a determining factor in dealing with a surrounding unfamiliar reality. The author's value dominant, correlated with the motivational level of the linguistic personality, contrasts with one of the other European and English authors' travel notes.

Keywords

dominant, *Homo peregrinator*, Karaulov, Lewis Carroll, linguistic personality, psycholinguistics, Russian Journal, Ukhtomsky, values

© М. А. Кузьмина, 2020

For citation

Kuzmina M. A. *Homo Peregrinator*: The Author's Image and the Image of Russia in "The Russian Journal" by Lewis Carroll (1867). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 2: Philology, p. 57–70. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-2-57-70

Введение

Никогда раньше у человека не было столько возможностей путешествовать, сколько позволяют современные глобализационные сдвиги. С одной стороны, и об этом много говорят как о негативном факторе, процессы глобализации приводят к стиранию культурных различий, к угасанию этнического разнообразия. С другой стороны, возможность путешествовать не только открывает человеку новый, свежий взгляд на окружающую действительность, но и дарит ему шанс поразмышлять о своем месте в этом мире. Когда путешествующий человек сталкивается со стереотипами, как со своими, так и с чужими, он получает возможность преодолеть собственное предубеждение против иных культур, а также послужить источником разрушения предвзятых мнений о том обществе, которое он сам представляет.

Таким образом, сознание путешествующего человека – это совершенно особый феномен: оно подвергается сильным, активно «расподобляющим» воздействиям извне, образующим новые «наслоения» смыслов. Ускорение и интенсивность изменения сознания приводят к тому, что мы можем выделить отдельный объект описания – сознание Человека путешествующего, или *Homo peregrinator*¹.

Homo peregrinator является одним из образов *Homo loquens*, традиционного объекта психолингвистического исследования, но основным мотивом его вербального самовыражения является путешествие, иными словами, *локуция* связана со сменой *локации*. В данной статье рассматривается тот аспект языковой личности английского писателя Льюиса Кэрролла, который связан с его первой и единственной поездкой за границу.

В 1867 г. Л. Кэрролл отправился в путешествие по России со своим другом, католическим священником Генри Парри Лиддоном, который и был инициатором поездки. Л. Кэрролл известен миру как автор необычных сказок и творец нонсенов. На момент посещения России первая книга, «Алиса в Стране Чудес» (1865), уже увидела свет, так что в 1867 г. Л. Кэрролл стоял на пороге славы. Поездка в Россию выступила катализатором зарождения следующей, новой книги. «Согласно свидетельству Стюарта Доджсона Коллингвуда, племянника Ч. Л. Доджсона (настоящее имя Льюиса Кэрролла) и его первого биографа, «Лиддон был тем, кто предложил название, которое в конце и было принято», т. е. «Алиса в Зазеркалье, или Сквозь зеркало и что там увидела Алиса» [Davies, 2018]. М. Дэвис отмечает, что мысль о новой книге могла прийти во время долгих часов путешествия, которые друзья провели в поездках, коротая время за игрой в шахматы (Зазеркальный мир в сказке – это шахматная доска). Кроме того, многие исследователи утверждают, что впечатление от Москвы как от «города золоченых куполов, где, словно в кривом зеркале, отражаются картины городской жизни» [РД². С. 44], легло в основу образа будущей сказочной страны (см., например, [Davies, 2018; Grey, 2017]).

Путешествие в Россию, таким образом, придало творческий импульс дальнейшей работе Л. Кэрролла. Для того чтобы «перелить» в форму сказки то невиданное до сих пор «содержание», которое встретилось ему в России, автору «Русского дневника» потребовалось пройти «сквозь» новую реальность, минуя собственные стереотипы, уподобившись Алисе, чьё от-

¹ Данный термин впервые предложен нами в [Кузьмина, 2019. С. 122].

² РД – здесь и далее «Русский дневник»: [Кэрролл, 2013]. В статье отрывки текста «Русского дневника» для удобства восприятия приведены в переводе Н. М. Демуровой, автора канонических переводов сказок об Алисе и почетного члена Общества Льюиса Кэрролла в Англии и США. С текстом оригинала автор сверялся по изданию [Carroll, 1999. P. 256–369].

крытое детское восприятие сказочной страны может служить отправной точкой для исследования *Homo peregrinator* – Кэрролла-путешественника.

Методика исследования

Методика анализа «Русского дневника» Льюиса Кэрролла основывается на идеях двух известных представителей российской (советской) науки: Ю. Н. Караулова с его представлением об уровне организации языковой личности и А. А. Ухтомского с его учением о доминанте.

Согласно взглядам Ю. Н. Караулова [1987], языковую личность формируют два уровня: тезаурусный, или лингвокогнитивный, и мотивационный, или прагматический. Тезаурус содержит наши знания о мире; в отличие от сетевой организации семантического уровня (лексикона), знания о мире организованы иерархически, к ним относятся образы, символы, слова, схемы-фреймы, стереотипы и т. д. Сложность изучения языкового сознания, как отмечает Ю. Н. Караулов, состоит в том, что, признавая тезаурус реальностью, мы испытываем трудности с его объективированием в силу индивидуализации способа образования связей между единицами у каждой языковой личности [Там же. С. 172].

Действующей моделью работы языкового сознания является ассоциативно-вербальная сеть, при этом сетевой принцип организации сознания не случаен, так как оно имеет «пластичный нейрофизиологический субстрат, который также описывается на основе метафоры сети как гиперсеть нейронных связей» [Шапошникова, 2019]. Таким образом, основа психолингвистического метода задается организационными (сетевыми) особенностями объекта – языкового сознания. Однако идею о сетевой организации языкового сознания нельзя уподобить представлениям о мире как о «сети» (М. Фуко) или «ризоме» (Ж. Делёз, Ф. Гваттари). Работа сознания подчинена внутренней иерархии, задаваемой доминантами, принцип действия которых описан в работах А. А. Ухтомского.

Индивидуальное человеческое сознание «всегда находило и находит глубокое успокоение в том убеждении, что истина существует и что если оно, индивидуальное сознание, еще не достигло своего идеала – познания истины, то это лишь следствие случайных, чисто субъективных ее причин, реальная же истина не теряет от этого своей действительности» [Ухтомский, 2019. С. 18]. Открытие Ухтомского, опиравшегося в своей работе на достижения российской физиологии (И. М. Сеченов, В. М. Бехтерев, И. П. Павлов, Н. Е. Введенский и др.), касается работы мозга как аппарата, в котором постоянно происходит «калейдоскопическая» смена «органов восприятия» в результате принципиального нарушения равновесия между центрами. То, что «всплывает» на поверхность сознания, всякий «интегральный образ», является «продуктом пережитой нами доминанты» [Там же. С. 61], которая «создается односторонним накапливанием возбуждения в определенной группе центров, как бы за счет других центров» [Там же. С. 52]. Открытый в физиологии принцип доминанты стал общенаучным методологическим достоянием в силу заложенной в нем объяснительной способности. Обнаружение доминанты продемонстрировало, что даже такая сеть, как работающие нервные центры, в какой-то момент начинает все поступающие импульсы передавать одному доминирующему центру. Таким образом, работа сознания – это иерархически построенная сеть, в которой центры – вершины иерархии – постоянно меняются, так как «в душе могут жить одновременно множество потенциальных доминант – следов от прежней жизнедеятельности» [Там же. С. 43].

Ухтомский отмечал, что, с одной стороны, доминанта как «инертность господствующего возбуждения» может служить источником предубеждений и навязчивых образов [Там же]. Мы сталкиваемся с этим, когда видим, как стереотипы ограничивают кругозор личности и мешают ей иметь непредвзятые суждения о мире. Далее мы увидим, как ложные установки мешали посетившим Россию иностранцам оценить красоту нашей страны, увидеть ее богатую культуру и получить непредубежденное впечатление о ее народе.

С другой стороны, следование доминанте «избавляет мысль от толчков и пестроты и действует сцеплению фактов в единый опыт» [Ухтомский, 2019. С. 43], и в этом, несомненно, прогрессивная роль доминанты. Такой мы сможем увидеть работу сознания – объекта нашего исследования – в той мере, в какой она отразилась на страницах «Русского дневника»: внутренняя культура и высокий интеллектуальный уровень, а главное – открытость взгляда на окружающий мир, свойственные Л. Кэрроллу, позволили ему в большей мере насладиться пребыванием в России, чем это получилось у его предшественников.

Каков фактор, влияющий на то, превратится ли доминанта в образ, имеющий обсессивный характер, или она станет «маховым колесом» мысли? Ответ лежит в области целеполагания.

Ю. Н. Караулов выделяет высший уровень языковой личности – мотивационный; это уровень, на котором реализуются мотивы, установки и ценности субъекта. В различных ситуациях жизни некоторые из них играют доминирующую роль. Под влиянием доминирующей ценности человек «вылавливает из окружающего мира по преимуществу только то, что ее подтверждает», что уже «само по себе переделка действительности» [1987. С. 216]. Именно способность к «переделке действительности» и есть фактор высшего, мотивационного, уровня языковой личности. Чтобы овладеть знаниями о мире, «человеческим опытом и самим собой, нужно овладеть своими доминантами» [Там же. С. 63]. Ценностные доминанты связаны с понятием «духовность». Ю. Н. Караулов предложил такое «рабочее определение» духовности: она предполагает включение «мыслей о фактах» в контекст «мыслей о мыслях» [Там же. С. 220], т. е. относит нас к предыдущему опыту личности. Доминанты высшего уровня как области целеполагания оставляют «следы» на уровне тезауруса.

Нас интересует *Homo peregrinator* – тот аспект языковой личности, доминанты уровней которой задаются именно статусом путешествующего субъекта и актуализируются при смене локаций. Методика исследования включает следующие этапы.

Во-первых, мы обратимся к заметкам о России, сделанными путешественниками XVII в., и увидим, что ложная доминанта мотивационного уровня не оставляет им шанса узнать истинное положение вещей в стране их посещения. Поэтому их знания о мире – тезаурусный уровень – нельзя назвать в полной мере соответствующими реальности.

Во-вторых, предметом нашего рассмотрения станет мотивационный уровень *Homo peregrinator*. Дружелюбность как установка, поиск диалога как мотив и открытость ума как ценность составляют те актуализировавшиеся в путешествии доминанты, которые оставили след в тезаурусе автора «Русского дневника».

В-третьих, мы проанализируем тезаурусный уровень *Homo peregrinator*. Анализ затрагивает три аспекта.

1. В фокусе внимания будут единицы уровня, свидетельствующие о таком свойстве тезауруса, как расподобление (термин Ю. Н. Караулова), т. е. несоответствие существующих знаний внешнему миру. Здесь окажутся в основном те «следы» доминанты, которые связаны со статусом путешествующей личности (например, *извозчики, гостиницы, дороги* и т. п.).

2. Кроме того, тезаурусный уровень представлен такими «следами», которые свидетельствуют о пережитой Л. Кэрроллом доминанте, – особенности его личности до предпринятого путешествия; здесь проявится такое свойство тезауруса, как анизотропность (термин Ю. Н. Караулова), т. е. иерархичность (например, для Л. Кэрролла как представителя англиканской церкви важным было упоминание о *православных богослужениях* и т. д.).

3. Эмоция автора, как выражение чувствования³ на лингвокогнитивном уровне, вызванная каким-либо явлением или событием, также может свидетельствовать о пережитой доминанте (например, Л. Кэрролл тепло отзывался о *русских людях*, проявивших к нему участие, и т. д.).

³ А. А. Ухтомский отмечал, что чувствование, воля и познание – это первичные, основные элементы душевной жизни. Именно чувствование способно проводить различие субъекта от объекта, «меня» от «другого» [2019. С. 18–25].

Сквозь стереотипы, или что англичане видели в России

В спокойном и безоблачном течении жизни Л. Кэрролла настоящей вехой стало путешествие в Россию, которая для многих британцев в то время была диковинной и непонятной страной, а благодаря заметкам путешественников предыдущих веков представлялась еще и враждебной, варварской. Чтобы оценить благожелательность впечатлений Л. Кэрролла о России, следует обратиться к наблюдениям более ранних путешественников, оставивших потомкам негативный образ нашей страны.

Как отмечает Т. В. Лабутина, «впервые образ “русского варварства” сформировался в Западной Европе в XVI–XVII вв.» на основе сочинений немецких писателей [2009. С. 23]. Главными составляющими этого образа были следующие черты: 1) «русская деспотия», т. е. централизованный характер государственного правления; 2) православная религия, заметно отличавшаяся от европейских христианских конфессий; 3) непонятные обычаи русского народа, необразованность и, как неоднократно и особо подчеркивалось, склонность к пьянству [Там же].

Англичане в поддержке данного стереотипа следовали примеру немцев. Так, британский дипломат Джильс Флетчер, проживший несколько лет в России (при царе Алексее Михайловиче), писал о русских: «Напиваться допьяна каждый день в неделю у них дело весьма обыкновенное» [Там же. С. 17], ему вторит побывавший в допетровской России Ченслер, который высказался, наблюдая обряд масленицы: «Думаю, что ни в одной стране не бывает такого пьянства» [Там же]. Придворный врач царя Алексея Михайловича, Коллинс, писал: «Пьют так много, как будто им суждено пить в последний раз на веку своем» [Там же. С. 18].

Справедливости ради отметим, что путешествовавшим по тогдашней Европе «москвитам» тоже было чем поделиться: «...например, немцы “народ дохтуроватый, а пьют вельми зело”. “Вельми зело” указывает на некоторую степень изумления: вероятно, в Москве пили или только “вельми”, или только “зело” – в Германии “и вельми” и “зело”, а в Англии напились так, что их с трудом выносили из-за стола» [Колесов, 2014. С. 461]. И действительно, приписываемое нашему народу пьянство почему-то никак не отражено в русском языковом сознании. Сопоставление данных Русского ассоциативного словаря [РАС, 1994–1998] и Associative Thesaurus of English (1972, цит. по: [Уфимцева, 1998]) «открывает перед нами возможность выявить специфику системности образов сознания русских и англичан, т. е. в определенном смысле систему их ценностей и специфику самих образов сознания» [Там же]. Согласно данным этих словарей, типичными действиями русских являются *жить, думать, говорить*; у англичан главные действия – *work, help, drink* [Там же] (выделено нами. – М. К.).

Отдельной «статьей» в свидетельствах о «русском варварстве» шли наблюдения за религиозными обрядами. Так, Флетчера «удивляла привычка русских людей осенять себя крестным знаменем по разным поводам: во время молитвы перед иконой, предваряя трапезу, входя в чей-нибудь дом или приступая к какому-либо делу»; он называл это «невежественным и пустым обычаем» и считал «внешними и смешными обрядами без всякого уважения к духу и истине, которых требует Бог от настоящего ему поклонения» [Лабутина, 2009. С. 19].

С уверенностью можно сказать, что нигде у Л. Кэрролла мы не найдем таких слов о русских людях, которыми Коллинс выплескивает свое возмущение: «В целом мире нет таких негодяев!» Коллинс, однако, «признавал, что и “между ними много добрых людей”, к которым он причислял тех, кто “расширил понятия свои разговором с иностранцами”» [Там же. С. 20].

Таким образом, русский народ описывался англичанами, побывавшими в России в XVII в., как варварский, достойный жить в рабстве, и этот стереотип оказался чрезвычайно живучим в европейском сознании и в последующие столетия. В. В. Колесов обращает исследовательское внимание в глубину веков и прослеживает причину такого укоренившегося стереотипа: славяне «доверялись соседям с таким добродушием, какого, обладая им сами, ожидали и от

других, не понимая еще, что люди могут быть такими же хищниками, как звери» [Колесов, 2014. С. 364]. Часто славяне попадали на невольничьи рынки, поэтому, по мнению ученого, в европейских языках слово, обозначающее славянина, сохраняет значение ‘раб’ (ср. *англ.* slave, *нем.* Sklave, *фр.* esclave, *итал.* schiavo); «и это одна из причин, почему на Западе легко убедить обывателя в мысли о “рабской душе” славян» [Там же]. Источник усиления геополитического влияния славян В. В. Колесов видит в соединении разнородных сил: «расхождение в этносе и сгущение в государственности» [Там же], поэтому недаром именно это «сгущение», усиление централизованной власти (необходимой, чтобы противостоять общим врагам) так же составляет одну из отмеченных выше «страшилок» стереотипа о русских.

Дипломат Флетчер писал: «Безнадежное состояние вещей внутри государства (России) заставляет народ большею частью желать вторжения какой-нибудь внешней державы, которое (по мнению его) одно только может его избавить от тяжкого ига такого тиранского правления» (цит. по: [Лабутина, 2009. С. 24]). Т. В. Лабутина отмечает, что «аналогичные “пожелания” оккупации своей страны будто бы высказывал русский народ в период Смуты, когда в Англии в 1612 г. уже полным ходом шла подготовка к вторжению и колонизации Русского Севера» [Там же]. Таким образом, очевидно, что «англичанам, в ту пору активно занимавшимся колониальными завоеваниями, было выгодно представить народ России “варварами”, а ее правителей “азиатскими деспотами” для того, чтобы противопоставить их “цивилизованным” европейцам. Богатая природными ресурсами Россия с “варварским народом” вполне подходила на роль нуждающейся в руководстве и опеке, читай – колонизации, со стороны “цивилизаторов”» [Там же].

Подобный взгляд частично оказал влияние и на сознание Л. Кэрролла. Описывая внешность русского крестьянина, автор «Русского дневника» делал выводы, близкие к описанным выше стереотипам; возвращаясь из России и проезжая Пруссию, он испытывает облегчение: «Приятно было наблюдать, как по мере приближения к Пруссии земли становились всё более обитаемыми и возделанными... даже крестьяне, казалось, менялись к лучшему, в них чувствовалось больше индивидуальности и независимости; русский крестьянин с его мягким, тонким, часто благородным лицом всегда, как мне кажется, более походит на покорное животное, привыкшее молча сносить жестокость и несправедливость, чем на человека, способного и готового себя защищать» [РД. С. 71].

Если сравнить путешествие Л. Кэрролла с современными посещениями британцами России, то нельзя пройти мимо массового «спортивного паломничества» туристов-болельщиков со всего мира в русские города, связанное с Чемпионатом мира по футболу в 2018 г. В этом случае впечатления современных англичан будут ближе к кэрролловским, нежели к отзывам «цивилизаторов» XVII в. М. Дэвис, оксфордский историк, писал, что слова из «Русского дневника» о путешествии на ярмарку в Нижний Новгород («это путешествие стоило всех тех неудобств, которые нам пришлось претерпеть с самого его начала до конца» [РД. С. 47]) можно в точности повторить и тем англичанам, которые добирались до Нижнего, чтобы посетить матч английской команды с командой Панамы [Davies, 2018].

Нижний Новгород был самой дальней и «экзотической» точкой маршрута, при этом условиями путешествия Л. Кэрролл был определенно шокирован: «Такая роскошь, как спальные вагоны, на этой дороге неизвестны... По пути туда и обратно я спал на полу». До пункта назначения поезд не доехал: пассажирам пришлось под проливным дождем «выйти и переправляться через реку по временному пешеходному мосту, ибо железнодорожный мост здесь смыло наводнением» [РД. С. 47]. Но Л. Кэрролл мужественно претерпел невзгоды, чтобы радостно воскликнуть: «Ярмарка – чудесное место», – и отвести несколько страниц описанию необыкновенной нижегородской ярмарки, куда стекались посетители со всего мира (примерно как на прошедший в России Мундиаль).

Доминанты русской миссии Л. Кэрролла

Как утверждал А. А. Ухтомский, «каждому отдельному человеку приходится завоевывать свои доминанты, они не даются ему даром, и оттого они тем дороже для него» [2019. С. 169]. Это и есть та работа, результатом которой становятся ценности и мотивы как единицы высшего уровня языковой личности. Выше мы отметили актуальные для путешествия доминанты: как *открытость* души Л. Кэрролла как ценность, его установку на *дружеское общение* и поиск *диалога* как мотивацию.

Что касается личностных качеств Л. Кэрролла, который был одним из одиннадцати детей в семье, то по этому вопросу можно привести множество хвалебных цитат, но здесь достаточно будет высказать одно из мнений: «Он отличался такой добротой, что сестры его боготворили; такой чистотой и безупречностью, что его племяннику решительно нечего о нем сказать», и еще одна важная деталь: «в нем было скрыто детство» [Вулф, 2013. С. 108]; возможно, последняя черта и может служить объяснением такого открытого и непредвзятого взгляда на окружающий мир, какой демонстрировал Л. Кэрролл.

А. А. Ухтомский отмечает социальную обусловленность опыта, который человек получает в жизни: «Чтобы работать над собой... бесценен и незаменим добрый попутчик и друг» [2019. С. 183]. Именно таким «попутчиком» был в путешествии в Россию для Л. Кэрролла его друг Г. П. Лиддон.

У преподобного Лиддона была в России особая миссия, о которой, конечно, знал и Л. Кэрролл: у священника было письмо от епископа Оксфордского митрополиту Московскому Филарету (Дроздову) в честь 50-летия епископата последнего. «Филарет известен как автор текста манифеста об освобождении крестьян от крепостного права. Он служил в церкви при трех императорах и пользовался глубоким уважением как паствы и простого люда, так и людей власти» [Рушайло, 2013. С. 265]. Именно митрополит Филарет был главным вдохновителем и действующей силой в переводе Библии на русский язык⁴. Значение Филарета было настолько велико, что «на московского митрополита смотрели как на фактического патриарха» [Яковлев, 2010. С. 658], а XIX столетие называли «веком Филарета». Неудивительно поэтому, что власти отметили его юбилей с широким размахом, сообщив о нем в том числе и представителям различных христианских конфессий.

Лиддон так пишет о митрополите в письме к преподобному В. Брайту: «Филарет имеет около 7000 футов в год, из которых он раздает всё, оставляя себе лишь 200. Его жизнь явно следует незнакомому нам строгому и величественному образцу – вероятно, в Англии он был бы невозможен, но здесь оказывает безграничное влияние на людей» [Демурова, 2013. С. 371].

«Поздравительная» миссия была предпринята Лиддоном и Кэрроллом в свете разговоров, распространенных в 60-е гг. XIX в., о возможностях объединения Англиканской Церкви с Русской Православной Церковью. По этому поводу в Англии проводились собрания, печатались материалы в периодических изданиях, устраивались марши [Рушайло, 2013. С. 266]. Богословский аспект проблемы не является предметом анализа в настоящей статье, но важно отметить, что митрополит Филарет был далек от идеализации положения; в письме князю С. М. Голицыну он писал: «Иностранцы недоброжелателями России уже приучены думать о ней худо, поверять; и худое о нас мнение будет усиливаться. Конечно, не мнением иностранцев мы спасаемся: однако доброе мнение беречь должно для добрых целей» [Святитель Филарет..., 2008. С. 87]. Именно это «доброе мнение» (как условие дружеского общения и вообще диалога) было одной из доминант общения путешествующих англичан и русских церковных иерархов. Так, Лиддон в своем дневнике отмечает глубокое впечатление, произ-

⁴ В 1812 г. в России было основано «Библейское общество», целью которого был перевод библейских книг на иностранные (!) языки. Лишь спустя несколько лет, в 1816 г. император дал высочайшее разрешение на перевод Библии на русский язык.

веденное на него епископом: «Епископ Леонид относится к Англиканской Церкви весьма сердечно» [Демурова, 2013. С. 370].

Действительно, удивительны взаимное уважение и уровень внутренней культуры, которые демонстрируют стороны по отношению друг к другу и которые делают возможным дружеский диалог. С английской стороны – преподобный Г. П. Лиддон и Л. Кэрролл, с русской стороны – свт. Филарет Московский и епископ Леонид (Краснопевков), викарий Московской митрополии и главный помощник Филарета, с которыми встречаются путешественники по случаю празднеств в честь Московского митрополита.

Про день, проведенный с митрополитом Филаретом и епископом Леонидом, Л. Кэрролл говорит: «...один из самых памятных дней нашего путешествия» [РД. С. 54]. Далее мы рассмотрим, что еще особенно запомнилось и было замечено Л. Кэрроллом в России.

По следам доминант *Homo peregrinator*

1. Расподобление как свойство тезауруса.

Каждый путешествующий субъект, интерпретируя новые «входящие данные», наблюдает столкновение собственных стереотипных представлений об окружающем мире с реальностью, которая перед ним разворачивается. Несходство существующей картины мира с действительностью, т. е. расподобление, запускает механизм акта познания. У Ю. Н. Караулова есть образное объяснение данного явления: «Сумма знаний – это заснувшее вместе с принцессой царство из сказки Ш. Перро, разбудить которое может лишь поцелуй принца, т. е. обнаружившееся расподобление между актуальным отражением реальности и отсроченным ее отражением в тезаурусе» [1987. С. 175]. Ниже представлены «следы» доминант, «всплывающие» на страницах «Русского дневника» в результате этого «сопоставления отражений» в сознании Кэрролла-путешественника.

Извозчики. Как справедливо замечено еще мистером Пиквиком, эсквайром, «путешествия протекают очень беспокойно, и умы кучеров неуравновешенны» [Диккенс, 2010. С. 15]. «Умы кучеров», или извозчиков, или же, как выражались путешествующие англичане, *droshky men*⁵, доставили немало хлопот путешествующему Л. Кэрроллу. Оказавшись в Петербурге, «городе великанов», в котором невероятно широкие улицы, «даже второстепенные шире любой в Лондоне» [РД. С. 36], Л. Кэрролл пришел в изумление и от вида «крошечных дрожек (*the little droshkies*), шмыгающих вокруг, явно не заботясь о безопасности прохожих» [РД. С. 36]. Позже Л. Кэрролл научился торговаться с извозчиками, и примеры удачных «переговоров» триумфально и подробно описаны им в «Дневнике» в виде страстно переданных диалогов. Правда, подобные словесные баталии утомляли писателя: «Когда такая сцена разыгрывается один раз, это забавно, но если бы то же повторялось в Лондоне каждый раз, когда нужно взять кэб, это со временем немного бы приелось» [РД. С. 39].

Дороги. С остроумными описаниями хитростей извозчиков могут соперничать яркие характеристики другой «русской беды» – дорог. Так, чтобы добраться до Нового Иерусалима, «наняли “гарантас”... и тряслись в нем миль 14 по чудовищной дороге, хуже которой я в жизни не видывал. Она была вся в рытвинах, непролазной грязи и ухабах; мостами служили неотесанные бревна, кое-как скрепленные между собой» [РД. С. 57].

Гостиницы. Если вообразить, что Л. Кэрролл мог бы оставить отзыв на сайте какого-нибудь гостиничного оператора, то он был бы, вероятно, таким же шутивным, какими мы читаем «отзывы о гостиницах» в его «Русском дневнике». Со свойственным ему юмором Л. Кэрролл так комментирует пребывание в гостинице в Кёнигсберге: «Поселившись в “*Deutsches Haus*”, мы наслаждаемся одной необычайной привилегией: нам разрешается звонить в колокольчик так часто и так долго, как нам заблагорассудится, – никто не принимает никаких мер к тому, чтобы прекратить этот шум» [РД. С. 34]. Но если в европейской

⁵ *Dylan W. M.* Trains to Moscow: A Comparison of Lewis Carroll's Russian Journal and E. E. Cummings' Eimi. URL: <http://www.graceguts.com/essays/trains-to-moscow-cummings-carroll> (дата обращения 28.07.2019).

гостинице ждать нужно полчаса, то в Петербурге ситуация является серьезным испытанием для его чувства юмора: «Сегодня вечером, поднявшись в свой номер, я обнаружил, что там нет ни полотенца, ни воды на утро, – в довершение к этой приятной неожиданности, колокольчик (на который откликнулся бы немецкий слуга) вовсе не звонил. Эта милая неожиданность заставила меня спуститься в коридор, где я нашел слугу, к счастью, из своего коридора. Я с надеждой заговорил с ним по-немецки, но это оказалось бесполезно – он только растерянно тряс головой...» [РД. С. 40].

Архитектура. Новую реальность Л. Кэрролл заселяет своими интерпретациями, как бы наводя свой порядок среди обилия новых объектов, так что даже архитектура начинает «жить по его правилам». «Вообще говоря, берлинская архитектура, на мой взгляд, руководствуется двумя основными принципами: если на крыше есть хоть сколько-нибудь подходящее местечко, ставьте туда мужскую статую; лучше, если она будет стоять на одной ноге. Если же местечко найдется на земле, разместите там кружком группу бюстов на постаментах, и пусть они держат совет, повернув головы друг к другу; неплохо и гигантскую статую мужа, убивающего, намеревающегося убить или только что убившего... какого-нибудь зверя... Принцип звероубийства выдержан повсеместно с неуклонной монотонностью, что превращает некоторые кварталы Берлина в подобие окаменевших боен» [РД. С. 28]. Следуя своей архитектурной «теории», Л. Кэрролл так описывает Медного всадника в Петербурге: «Пьедесталом ей служит необработанная гранитная глыба, подобная настоящей скале. Конь взвился на дыбы, а вокруг его задних ног обвилась змея, которую, насколько я мог рассмотреть, он попирает. Если бы этот памятник стоял в Берлине, Пётр, несомненно, был бы занят непосредственным убийством сего монстра, но тут он на него даже не глядит: очевидно, “убийственный” принцип здесь не признаётся» [РД. С. 38]. Не станет ли подмеченная Л. Кэрроллом «убийственность» берлинской скульптуры тем «поцелуем принца», который запустит расподобление в нашей картине мира, так что мы, оказавшись на берлинских улицах, начнем смотреть на архитектуру «глазами Кэрролла»?

2. Анизотропность как свойство тезауруса.

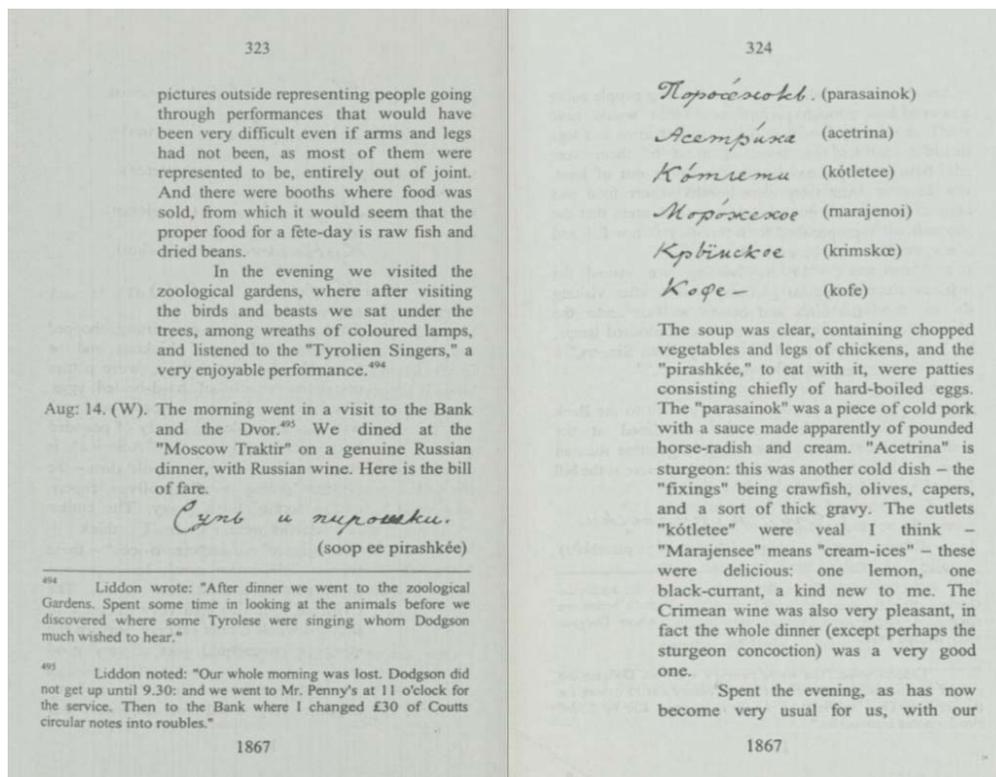
Выше мы отметили, что тезаурусный уровень характеризуется также таким свойством, как *анизотропность*, т. е. он иерархически организован. Для того, кто путешествует по миру, это вдвойне закономерно: «путешественник, по определению, – продукт иерархического мышления» [Бродский, 2017. С. 49].

Русский язык. В иерархии интересов Л. Кэрролла, несомненно, высокую степень занимают наблюдения над незнакомым языком. В «Дневник» переносятся списки блюд из ресторанных меню (см. рисунок), надписи на скульптурах, даже отдельные слова, чем-то поразившие автора. Так, англичанин-попутчик, уже довольно долго проживший в Петербурге, «подарил» ему одно слово в качестве примера «необычайно длинных слов, которыми отличается русский язык»: «*защищающихся*, которое, если записать его английскими буквами, будет выглядеть так: *Zashtsheeshtshayoushtsheekhshya*» [РД. С. 35]. Это слово Л. Кэрролл называл «устрашающим». Но если он и испытывал неприятные чувства по поводу русского языка, то они были связаны прежде всего с его незнанием. Оказавшись со своим другом вдвоем в нижегородской деревне без переводчика, Л. Кэрролл пишет: «Мы поняли, что впервые за всё путешествие остались совсем одни – так, верно, чувствовал себя Робинзон Крузо на своем острове» [РД. С. 58].

Любопытство по отношению к языку выражается во внимании, которое Л. Кэрролл уделяет названиям блюд: они чаще, чем другие русские слова, «представляют» русский язык на страницах «Дневника». Как правило, русская еда приводила его в восторг. Недаром слово *food* входит в первую десятку ядра языкового сознания англичан [Уфимцева, 1998].

Много раз упоминаются в «Дневнике» русские щи. Сначала путешественник был несколько разочарован их вкусом: на одной станции по дороге к Петербургу друзья впервые попробовали «местный суп под названием ЩИ (произносится *shitshee*), очень недурной, хотя в нём чувствовалась какая-то кислота, возможно, необходимая для русского вкуса...» [РД. С. 35]. Попробо-

вав щи снова, уже в Петербурге, Л. Кэрролл отметил: «Я с облегчением обнаружил, что они вовсе не обязательно должны быть кислыми, как я опасался» [РД. С. 38]. Наконец, со временем он стал уже практически специалистом по русской кухне и с легкостью знатока писал: «За обедом в Троицкой гостинице нам удалось отведать два истинно русских угощения: горькую настойку из рябины, которую пьют по стакану перед обедом для аппетита (она называется “рябиновка”) и “щи” – к ним обычно подают в кувшинчике сметану, которую размешивают в тарелках» [РД. С. 54].

Страницы из «Русского дневника» Л. Кэрролла (по: [Carroll, 1999])
Pages from L. Carroll's *The Russian Journal* (from: [Carroll, 1999])

Православное богослужение. Внимание к церковным службам и посещение многочисленных монастырей, церквей и т. п. было выражением личных пристрастий Л. Кэрролла: как служитель Англиканской Церкви (в сане диакона), он глубоко интересовался церковной культурой. Записанные Л. Кэрроллом многочисленные наблюдения над церковным богослужением, великолепием русских храмов позволяют сделать вывод о том, что их автор, хотя и был поражен внешней составляющей религиозной жизни в России, всё же в целом относился к ней как к чему-то «фантастическому», гротескному, нарочитому – на его сдержанный вкус. «Мы начали с храма Василия Блаженного, который внутри так же причудлив (почти фантастичен), как снаружи» [РД. С. 45]. В другой день Л. Кэрролл пишет: «...мы отстояли вечерню в Александро-Невской лавре – это было одно из самых прекрасных православных богослужений, которое мне довелось услышать. Пели чудесно и не так однообразно, как обычно. Один распев, в особенности многократно повторяемый во время службы... был так прекрасен, что я охотно слушал бы его еще и еще» [РД. С. 69]. При этом Л. Кэрролл верен сдержанности обрядов привычной ему Англиканской Церкви: «Облачения священнослужителей во время литургии совершенно великолепны...; однако чем более видишь эти велико-

лепные службы, столь много говорящие органам чувств, тем более начинаешь, по-моему, ценить простую и строгую (однако, на мой взгляд, гораздо более проникновенную) литургию Англиканской Церкви» [РД. С. 37].

3. Эмоция как «след» пережитой доминанты.

Познание объективного мира, отраженное в тезаурусе, дополняется субъективным отношением к событиям и явлениям. Поэтому наряду с указанными выше свойствами тезауруса, расподоблением и анизотропностью, мы выделили те доминанты, которые связаны с выражением чувств автора «Русского дневника».

Русские люди. Л. Кэрролл неоднократно писал в «Дневнике» об одной особенности русских людей – часто креститься: «Бедняки, проходящие по улице, почти все снимали шапки, кланялись и часто крестились – непривычное зрелище среди уличной толпы» [РД. С. 36]; «Люди кланялись и крестились перед иконами... я заметил, что многие делали то же, проходя мимо церковных дверей, даже если они шли по другой стороне невероятно широкой улицы» [РД. С. 37]. Если англичане, побывавшие в России в XVII в., возмущались внешними проявлениями религиозности русских, то для Л. Кэрролла эта особенность была удивительна и являлась скорее свидетельством благоговения: именно это чувство выражают люди, когда осеняют себя крестным знаменем. Биограф приводит такие слова Л. Кэрролла: «Благоговение подразумевает веру в благое и невидимое глазу существо... перед которым мы чувствуем себя ответственными» (цит. по: [Имхольц Младший, 2013. С. 235]).

Теплые чувства вызывает у Л. Кэрролла искреннее доброе расположение русских, которое – не маска вежливости, принятая в Европе, а от души выраженное участие: «Лишь после того как он распрощался с нами и удалился, мы узнали имя этого человека, который оказал нам столько внимания (боюсь, мало кто из англичан мог бы сравниться с ним в подобном внимании к чужестранцам): это был князь Чирков⁶» [РД. С. 53].

Дети. Г. К. Честертон писал о Л. Кэрролле, что «самым приятным в нём была его искренняя любовь к детям» [Честертон, 2013. С. 87]. Во время путешествия в Россию он сделал немало заметок о детях, об их играх, внешности и поведении. Где бы он ни был: в поезде, на ярмарке, в церкви, на прогулке и т. д., – всюду он обращал внимание на детей, и это отражено в «Дневнике». Проезжая Францию, в поезде он набросал портрет малышки, который был одобрен семейством и «оригиналом»; в Петербурге он захотел купить фотографию понравившейся ему девочки и, получив разрешение князя Голицына (отца девочки), осуществил задуманное; в церкви его удивляло, как мать заставила встать на колени ребенка, которому «было никак не больше 3-х лет» [РД. С. 37]: очевидно, Л. Кэрролл сомневался, что от маленького ребенка можно ждать какого-то осознанного выражения религиозного чувства.

Заключение

Языковую личность, все уровни которой подвергаются активно «расподобляющим» воздействиям меняющейся во время путешествия и незнакомой окружающей среды, иными словами, личность, локуция которой связана со сменой локаций, мы назвали Человеком путешествующим, или *Homo peregrinator*. Своеобразным «фильтром» анализа языковой личности писателя Льюиса Кэрролла стал именно его статус иностранца-интеллектуала, путешествующего по России. В образе автора «Русского дневника» можно выделить следующие доминанты и их «следы»: на мотивационном уровне мы отметили открытость Л. Кэрролла как ценность его сознания, установку на дружеское общение и поиск диалога как мотивацию; тезаурусный уровень представлен упоминанием реалий русской жизни, которые были вызваны такими свойствами тезауруса, как расподобление и анизотропность. Объективность познаваемых и отраженных в тезаурусе реалий, находящихся в фокусе внимания *Homo peregrinator*, дополняется субъективным отношением Человека путешествующего к окру-

⁶ «Имя в оригинале дневника Кэрролла написано неясно... Издатель кэрролловских дневников Э. Вейклинг полагает, что это князь Григорий Хилков, церемониймейстер при императорском дворе» [Демурова, 2013. С. 371].

жающему миру, и эта субъективность находит выражение в эмоционально окрашенных доминантах путешественника.

Образ России предстает перед нами на страницах «Русского дневника» как бы «сквозь зеркало» – в преломлении авторского мировоззрения, а «мировоззрение, как известно, всегда стоит своего носителя, точно так же, как картина запечатлевает лишь то, что и как умел видеть художник» [Ухтомский, 2019. С. 63]. Поэтому картина России, представленная в «Русском дневнике», конечно, является картиной, которую «рисует» нам сознание ее автора. Неожиданно для нас, уже знакомых с резко негативными, отталкивающими отзывами английских путешественников XVII в., образ России в «Дневнике» писателя-сказочника предстает необыкновенно положительным, ярким; даже неустроенность русского быта преподносится с тонким юмором, и во всех описаниях сквозит восхищение неведомой ранее страной. За внешней сдержанностью повествования чувствуется душевное расположение и любопытство, которые Л. Кэрролл демонстрировал в своих заметках.

Он прибыл в «Зазеркалье» как друг и был способен увидеть многое из того, что не удалось увидеть тем, кто смотрел на неизведанную страну только лишь «сквозь стереотипы».

Список литературы

- Бродский И.** Место не хуже любого // Бродский И. О скорби и разуме: Эссе. СПб.: Изд. группа «Лениздат», «Книжная лаборатория», 2017. С. 44–53.
- Вулф В.** Льюис Кэрролл // Кэрролл Л. Дневник путешествия в Россию в 1867 году, или Русский дневник. Статьи и эссе о Льюисе Кэрролле. Челябинск: Энциклопедия; СПб.: Крига, 2013. С. 108–109.
- Демурова Н. М.** Комментарии // Кэрролл Л. Дневник путешествия в Россию в 1867 году, или Русский дневник. Статьи и эссе о Льюисе Кэрролле. Челябинск: Энциклопедия; СПб.: Крига, 2013. С. 360–375.
- Диккенс Ч.** Посмертные записки Пиквикского клуба. М.: АСТ: Астрель, 2011. 736 с.
- Имхольц Младший А.** Льюис Кэрролл и политическая корректность: Заметки коллекционера // Кэрролл Л. Дневник путешествия в Россию в 1867 году, или Русский дневник. Статьи и эссе о Льюисе Кэрролле. Челябинск: Энциклопедия; СПб.: Крига, 2013. С. 225–240.
- Караулов Ю. Н.** Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 263 с.
- Колесов В. В.** Древнерусская цивилизация: наследие в слове. М.: Институт русской цивилизации, 2014. 1120 с.
- Кузьмина М. А.** К вопросу об аксиологическом аспекте психолингвистического метода // Вопросы психолингвистики. 2019. № 3. С. 122–138.
- Кэрролл Л.** Дневник путешествия в Россию в 1867 году, или Русский дневник / Пер. с англ. и предисл. Н. Демуровой; статьи и эссе о Льюисе Кэрролле. Челябинск: Энциклопедия; СПб.: Крига, 2013. 416 с.
- Лабутина Т. В.** Представления британцев о русском народе в XVI–XVII вв. // Вопросы истории. 2009. № 8. С. 13–25.
- РАС – Русский ассоциативный словарь / Ю. Н. Караулов, Ю. С. Сорокин, Е. Ф. Тарасов, Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова. М., 1994–1998. Т. 1–6.**
- Рушайло А. М.** По следам Льюиса Кэрролла в России: Заметки библиофила // Кэрролл Л. Дневник путешествия в Россию в 1867 году, или Русский дневник. Статьи и эссе о Льюисе Кэрролле. Челябинск: Энциклопедия; СПб.: Крига, 2013. С. 262–274.
- Святитель Филарет Московский.** Призовите Бога в помощь: Сб. писем. М.: Изд. Сретенского монастыря, 2008. 800 с.
- Уфимцева Н. В.** Этнический характер, образ себя и языковое сознание русских // Языковое сознание: формирование и функционирование. М., 1998. URL: http://www.iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book1998/articles/3_1.htm (дата обращения 29.07.2019).
- Ухтомский А. А.** Доминанта. СПб.: Питер, 2019. 512 с.

- Честертон Г. К.** Льюис Кэрролл // Кэрролл Л. Дневник путешествия в Россию в 1867 году, или Русский дневник. Статьи и эссе о Льюисе Кэрролле. Челябинск: Энциклопедия; СПб.: Крига, 2013. С. 83–87.
- Шапошникова И. В.** Модусы идентификации русской языковой личности в эпоху перемен. М.: Языки славянской культуры, 2019. 262 с.
- Яковлев А. И.** Век Филарета: Роман-хроника: Жизнеописание святителя Филарета Московского. М.: МРО «Православное благотворительное Братство во Имя Всемилоостивого Спаса» Московской епархии РПЦ, 2010. 672 с.
- Davies M.** Lewis Carroll's Adventures In Russia. 2018. URL: <https://www.the-tls.co.uk/articles/public/lewis-carrolls-adventures-russia/> (accessed: 28.07.2019).
- Drey V.** Lewis Carroll In Wonderland: the Writer's Adventures In Russia. 2017. URL: https://www.rbth.com/arts/literature/2017/01/27/lewis-carroll-in-russia_690043 (accessed: 28.07.2019).
- Carroll L.** Lewis Carroll's Diaries. The private journals of Charles Lutwidge Dodgson (Lewis Carroll). With notes and annotations by Edward Wakening. The Lewis Carroll Society, L. & T. Press, Luton, 1999, vol. 5.

References

- Brodsky J.** Mesto ne khuzhe lyubogo [A Place as Good as Any]. In: Brodsky J. O skorbi i razume [On Grief and Reason]. St. Petersburg, Lenizdat Publ., 2017, p. 44–53. (in Russ.)
- Carroll L.** Lewis Carroll's Diaries. The private journals of Charles Lutwidge Dodgson (Lewis Carroll). With notes and annotations by Edward Wakening. The Lewis Carroll Society, L. & T. Press, Luton, 1999, vol. 5.
- Carroll L.** Dnevnik puteshestviya v Rossiyu v 1867 godu, ili Russkii dnevnik. Stat'i i esse o Lyuise Kerrolle [The Journal of a Tour in Russia in 1867, or Russian Journal. Articles and Essays about Lewis Carroll]. Chelyabinsk, Entsiklopediya Publ.; St. Petersburg, Kriga Publ., 2013, p. 165–174. (in Russ.)
- Chesterton G. K.** Lewis Carroll. In: Carroll L. Dnevnik puteshestviya v Rossiyu v 1867 godu, ili Russkii dnevnik. Stat'i i esse o L'yuise Kerrolle [The Journal of a Tour in Russia in 1867, or Russian Journal. Articles and Essays about Lewis Carroll]. Chelyabinsk, Entsiklopediya Publ.; St. Petersburg, Kriga Publ., 2013, p. 83–87. (in Russ.)
- Davies M.** Lewis Carroll's Adventures In Russia. 2018. URL: <https://www.the-tls.co.uk/articles/public/lewis-carrolls-adventures-russia/> (accessed: 28.07.2019).
- Demurova N.** Kommentarii. In: Carroll L. Dnevnik puteshestviya v Rossiyu v 1867 godu, ili Russkii dnevnik. Stat'i i esse o L'yuise Kerrolle [The Journal of a Tour in Russia in 1867, or Russian Journal. Articles and Essays about Lewis Carroll]. Chelyabinsk, Entsiklopediya Publ.; St. Petersburg, Kriga Publ., 2013, p. 360–375. (in Russ.)
- Dickens Ch.** Posmertnye zapiski Pikvikskogo kluba [The Posthumous Papers of the Pickwick Club]. Moscow, AST, Astrel' Publ., 2011, 736 p. (in Russ.)
- Drey V.** Lewis Carroll In Wonderland: the Writer's Adventures In Russia. 2017. URL: https://www.rbth.com/arts/literature/2017/01/27/lewis-carroll-in-russia_690043 (accessed: 28.07.2019).
- Imholtz A. A., Jr.** L'yuis Kerroll i politicheskaya korrektnost': Zametki kollektionera [Lewis Carroll and Political Correctness: Collector's Notes]. In: Carroll L. Dnevnik puteshestviya v Rossiyu v 1867 godu, ili Russkii dnevnik. Stat'i i esse o L'yuise Kerrolle [The Journal of a Tour in Russia in 1867, or Russian Journal. Articles and Essays about Lewis Carroll]. Chelyabinsk, Entsiklopediya Publ.; St. Petersburg, Kriga Publ., 2013, p. 225–240. (in Russ.)
- Karaulov Yu. N.** Russkii yazyk i yazykovaya lichnost' [Russian Language and Linguistic Personality]. Moscow, Nauka Publ., 1987, 263 p. (in Russ.)
- Karaulov Yu. N., Sorokin Yu. S., Tarasov E. F., Ufimtseva N. V., Cherkasova G. A.** Russkii assotsiativnyi slovar' [Russian Associative Dictionary]. Moscow, 1994–1998, vol. 1–6. (in Russ.)
- Kolesov V. V.** Drevnerusskaya tsivilizatsiya: Nasledie v slove [Ancient Civilization: the Legacy of the Word]. Moscow, Institut russkoi tsivilizatsii Publ., 2014, 1120 p. (in Russ.)

- Kuzmina M. A.** K voprosu ob aksiologicheskom aspekte psikholingvisticheskogo metoda [Revisiting Axiological Aspect of Psycholinguistic Methodology]. *Voprosy psikholingvistiki [Issues of Psycholinguistics]*, 2019, no. 3, p. 122–138.
- Labutina T. V.** Predstavleniya britantsev o russkom narode v XVI-XVII vv. [British Views of the Russian People in the XVI-XVII Centuries]. *Voprosy istorii [Issues of History]*, 2009, no. 8, p. 13–25. (in Russ.)
- Rushailo A. M.** Po sledam L'yuisa Kerrolla v Rossii: Zametki bibliofila [In the Footsteps of Lewis Carroll in Russia: Bibliophile Notes]. In: Carroll L. Dnevnik puteshestviya v Rossiyu v 1867 godu, ili Russkii dnevnik. Stat'i i esse o L'yuisse Kerrolle [The Journal of a Tour in Russia in 1867, or Russian Journal. Articles and Essays about Lewis Carroll]. Chelyabinsk, Entsiklopediya Publ.; St. Petersburg, Kruga Publ., 2013, p. 262–274. (in Russ.)
- Shaposhnikova I. V.** Modusy identifikatsii russkoi yazykovoi lichnosti v epokhu peremen [Modes of Identification of the Russian Language Personality in the Era of Changes]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2019, 262 p. (in Russ.)
- Svyatitel' Filaret Moskovskii. Prizovite Boga v pomoshch': Sb. Pisem [Call on God for Help: a Collection of Letters]. Moscow, Izd. Sretenskogo monastyrya Publ., 2008, 800 p. (in Russ.)
- Ufimtseva N. V.** Etnicheskii kharakter, obraz sebya i yazykovoie soznanie russkikh [Ethnic Character, and Image of Self, and Linguistic Consciousness of the Russian]. In: Yazykovoie soznanie: formirovanie i funktsionirovanie [Language Consciousness: Formation and Functioning]. Moscow, 1998. URL: http://www.iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book1998/articles/3_1.htm (accessed: 29.07.2019).
- Ukhtomskii A. A.** Dominanta [The dominant]. St. Petersburg, Piter Publ., 2019, 512 p. (in Russ.)
- Woolf V.** Lewis Carroll. In: Carroll L. Dnevnik puteshestviya v Rossiyu v 1867 godu, ili Russkii dnevnik. Stat'i i esse o L'yuisse Kerrolle [The Journal of a Tour in Russia in 1867, or Russian Journal. Articles and Essays about Lewis Carroll]. Chelyabinsk, Entsiklopediya Publ.; St. Petersburg, Kruga Publ., 2013, p. 108–109. (in Russ.)
- Yakovlev A. I.** Vek Filareta: Roman-khronika: Zhizneopisanie svyatitelya Filareta Moskovskogo [Age of Philaret: A Novel-Chronicle: Biography of St. Philaret of Moscow]. Moscow, MRO «Pravoslavnoe blagotvoritel'noe Bratstvo vo Imya Vsemilostivogo Spasa» Moskovskoi eparkhii RPTs Publ., 2010. (in Russ.)

*Материал поступил в редколлегию
Received
14.08.2019*

Сведения об авторе

Кузьмина Мария Александровна, кандидат филологических наук, сектор русского языка в Сибири, Институт филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия)
mash_room@mail.ru

Information about the Author

Mariya A. Kuzmina, Candidate of Philology, Institute of Philology SB RAS (8 Nikolayev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)
mash_room@mail.ru